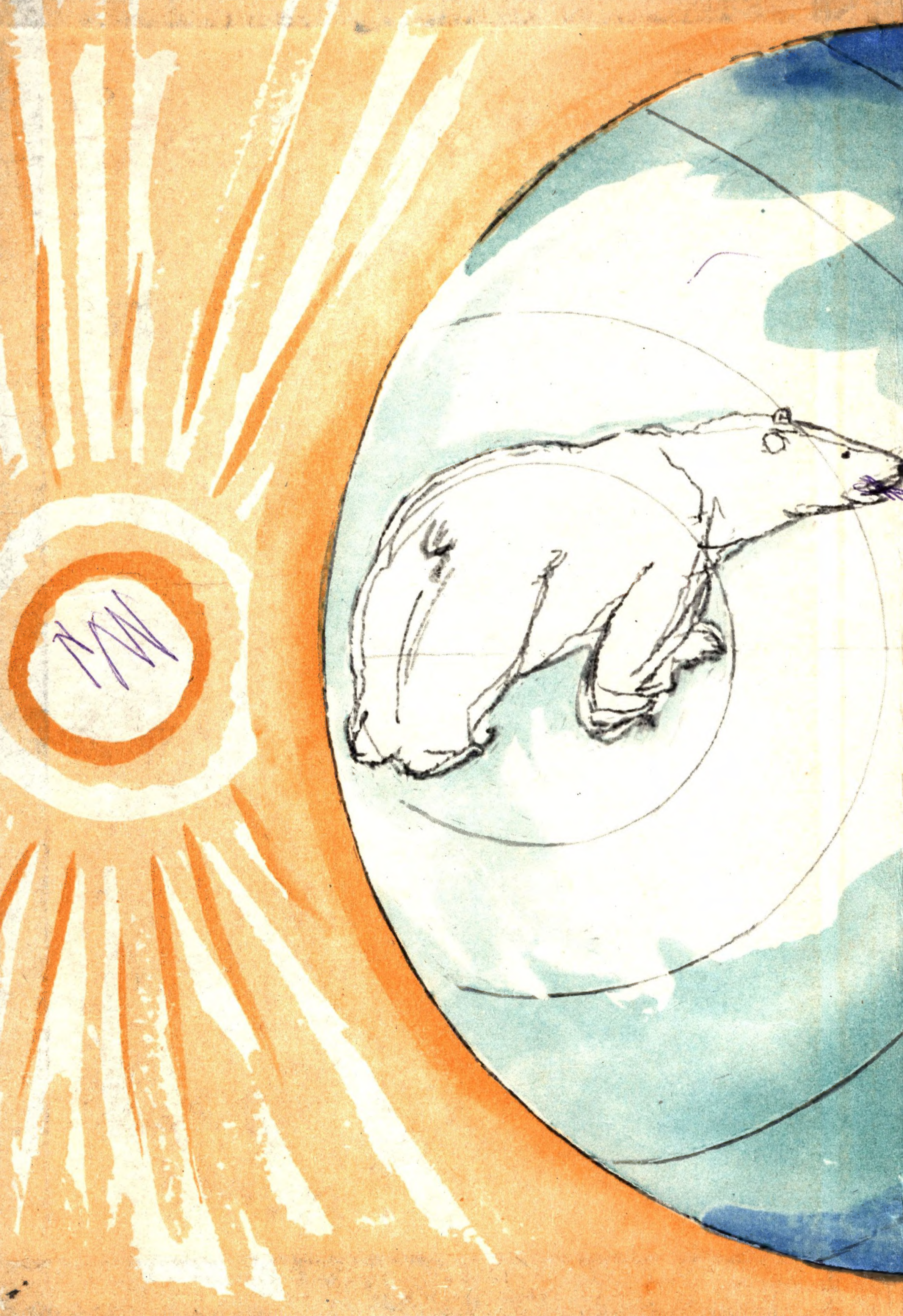
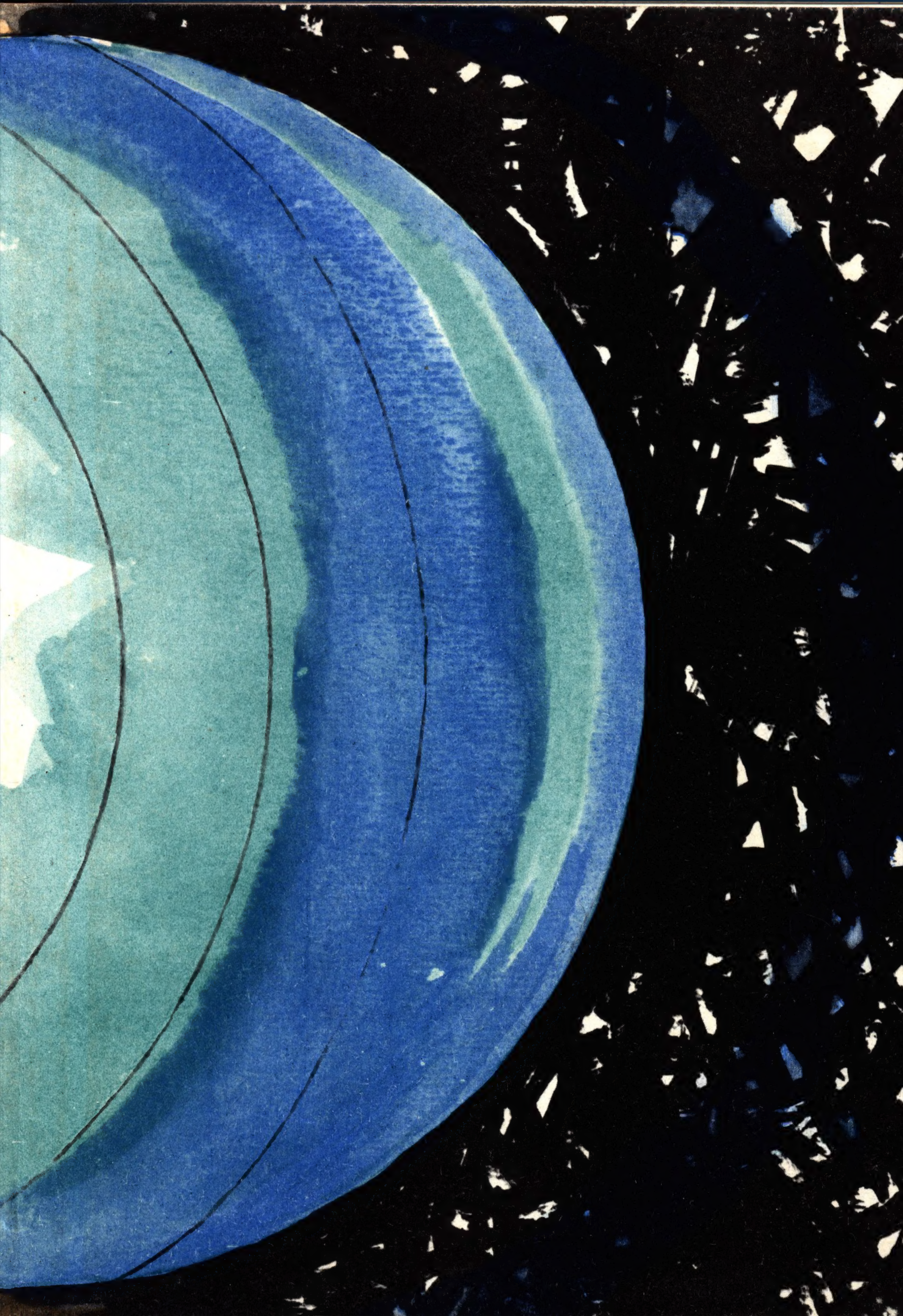
ГЕРМАН ГОППЕ

ВОРОБЕЙ, ПИНГВИН И РЫЖИК

ГЕРМАН ГОППЕ

ВОРОБЕЙ, ПИНГВИН И РЫЖИК

СКАЗКИ И ПОЭМА

Рисунки
Вадима Гусева

Ленинград «Детская литература» 1984

Мл.
Г 66

4803010102—173
Г ———————— 265—84
М101(03)84

СКАЗКИ СОЛДАТА

Шёл солдат по войне. В караулах стоял. В засадах лежал. Когда надо было — ползком пробирался. Когда надо — бегом. В атаку. Пули над ним свистели, снаряды выли, взрывы вокруг гремели. Не раз, не два солдата ранило. Домой он много отметин принёс. До сих пор хранит. Хотя и зачем бы их хранить-то? Выбросить, чтобы не ныли. Да не выбросишь...

И ещё хранит он память о тех боях и походах. Хранит верность солдатской дружбе. Присяге своей воинской. Об этом в стихах своих пишет. Книги у него тоже всё больше о друзьях фронтовых: «Солдатская книжка», «Солдатская память», «Без тебя не победить», «Взвод моего детства»...

А для самых маленьких читателей пишет он сказки. О войне и не о войне. Скорее всего — о хороших друзьях. В сказках у него живут воробьи, пингвины, собаки. Не просто пернатые да четвероногие, а настоящие друзья.

Обычно в сказках самые невероятные чудеса случаются. И в сказках солдата они тоже есть. У него, к примеру, блокадный воробей на фашистского стервятника бросился. И прогнал его. Чудеса? Конечно, чудеса. Только не в воробье тут дело. Он ведь, дрожа всеми пёрышками, навстречу врагу летел. Сам бы ни за что на такое не отважился. Но если надо было выручать друга Вовку — полетел. Значит, дело тут не в воробье, а в дружбе. Может быть, и не он, не воробей заставил стервятника с паучьими крестами на крыльях назад повернуть, может быть, это зенитки наши огонь по нему открыли — неважно! Важно, что верен был блокадный воробей солдатскому правилу: сам погибай, а товарища выручай!

Конечно, такую дружбу заслужить надо. И только добрый, хороший человек её достоин. Воробей Вовку спасал, а

полярник Пётр Кузьмич спас пингвинёнка. Думаете, пингвинёнок побоялся бы встать горой за своего друга? Ещё как встал бы!

А сказка «Лишних нет на корабле», может быть, и не сказка вовсе. Самая настоящая быль. Ведь в самом деле был такой моряцкий пёс Рыжик. Я его хорошо знал. И в самом деле ходил Рыжик с рыбаками в море, вёл себя так, как в стихах рассказано. Вот только не обо всём поэт поведал...

Но я-то помню, что дальше произошло. Когда состарился Рыжик — списали его с корабля на берег. Поэт, узнав об этом, побросал все свои дела в Ленинграде и помчался в тот рыболовецкий колхоз, на причале которого, положив голову на лапы, лежал Рыжик, грустно смотрел на волны. Нашёл поэт Рыжика и забрал его с собой. По законам солдатской верности.

Ведь она, эта верность солдатская, — на всю жизнь. И верен солдат не только однополчанам своим, своей Советской Армии — верен он всему доброму на земле. Врага он бил неумолимо потому, что со злом сражался. А в мирные дни и стрекозы не обидит. За что её, стрекозу, обижать?..

Патроны на войне солдат тратил экономно. Хотел, чтобы каждая пуля в цель летела. Поэтому и приберегал. На крайний случай. А доброты своей ему ничуть не жалко. Всем ребятам раздать готов! Знает старый солдат: кто с мечом к людям идёт — от меча и погибнет, а кто с добротою — и в ответ её получит. Будут любить наши ребята страну свою красивую, природу её удивительную, подружатся с братьями своими меньшими — пернатыми, четвероногими; будут друг другу верны солдатской верностью — значит, поэт и сказочник, солдат Ленинградского фронта Герман Борисович Гоппе свою задачу выполнил.

И если вы захотите с ним поближе познакомиться, дело не сложное! Стоит только эту книгу прочитать.

Вольт Суслов

Воробей блокадный

СКАЗКА-БЫЛЬ

Где наш город,
как матрос,
В море вышел,
Возле дома
тополь рос
И дорос до крыши.
А на тополе на том,
На любимой ветке,
Рядом с Вовкиным окном —
Воробей редкий,

Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка!
Три полоски через грудь —
Тельняшка.

Сухопутным воробьям
Не попутчик.
На корвете
по волнам
Мчаться лучше.
— Чик-чирик!
— кричит с утра
Другу Вовке. —
Приступать давно пора
К тренировке! —

Вовка вынесет корвет,
Пригласит матроса.
А на палубе —
обед —
Горстка проса.
Завершит морской парад
Воробей прыткий.
И натянется канат,
А для Вовки —
нитка.

Ветры
осень протрубят,
Улетят птицы.
Только — что для Воробья
Заграницы!
И посмотрит он вослед
стаям.
— Ишь какие чудаки —
улетают.
Пусть торопятся на юг.
И не жаль мне.
Что дороже:
лучший друг
Или пальмы?! —
Ведь зимой,
когда мороз
Дружит с вьюгой,
Ощущал не раз матрос
Верность друга.
Чуть замёрзнет он,
и вот —
Флаг в окошке.
Значит, Вовка в гости ждёт,
Приготовил крошки.

Так бы жить друзьям
всегда,
Радуясь рассветам.
Но нагрянула
беда
На деревни, города
В середине лета.

Шла и лязгала бронёй,
Землю роя.
Сжала огненной змеёй
Город над Невою.
И не видели дома,
Тёмные от горя,
Как нагрянула зима
И замёрзло
море.

Становился ветер злей
И мороз тоже.
Удивлялся Воробей:
Отчего же
Гром гремит
Со всех сторон,
Не смолкая?
И застыл трамвайный звон,
Спят трамваи.
Прячут красные бока
В сугробы.
Не очнуться им никак
Отчего бы?

...Тёплый сон одолевал,
Отгонял стужу.
Воробей не понимал:
Почему же
Разглядеть в окне не смог
Вовку, друга?
Воробей на ветку лёг.
Выла вьюга.
Сны последние свои
Отсмотрел бы скоро,
Разбудили воробьи,
Покидая город.
Сели рядом на сучки
На минуту.
Сгорбились,
как старички-
Лилипуты.
Зачирикали:
— Герой!
Улетай, пока живой.
Пусть враги со всех сторон,
Пусть блокада —
Нам билетов в эшелон
Ведь не надо.
Что ты,
жизнь отдать готов
И морскую душу?!
Видишь,
даже в воробьёв
Бьют
из пушек.

Собирайся, моряк,
Будет туго.
— Не могу я никак
Бросить друга! —
Воробьи ему в ответ:
— Нету корма —
дружбы нет.
Ты пойми, матросик,
Друг давно тебя забыл,
От тебя окно закрыл,
Зёрнышка не бросил.
У людей
в такие дни
Сердце —
камень.
Могут съесть тебя они
С потрохами.
А не станут если есть,
Всё равно
замёрзнешь здесь. —
Прячет в перья нос
Воробей-матрос,
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка.
Говорит им:
— В добрый путь,
Мне не холодно ничуть, —
И вздыхает тяжко.
Улетели...
Тишина.

Полное бесптичье.
Воробей в стекло окна
Клювом тычет.
Тук-тук-тук
да тук-тук-тук:
— Отзовись,
Вовка!
Мне за дружбу,
мой друг,
Неловко. —

Задрожало вдруг стекло.
И теплом подуло.
«Наконец-то повезло», —
Воробей подумал.
Но внезапною волной
Подкатилось пламя.
Ослепляющей стеной
Взвилось над домами.
С воем яростным:
«Убью-ю-ю!» —

Мчалась птица к Воробью.
На крыле огромный знак
Паучий.
Под крылом метался
мрак
Тучей.
Мчались тысячи смертей
На птаху.
И чирикнул
Воробей
От страха.
Нет,
и в этот раз моряк
Трусом не был.
Он смотрел туда,
где враг, —
Прямо в небо.
Вражья птица
Вовкин дом
Клюнуть норовила.
Воробей рванулся в гром,
Напрягая
силы.

Прост его военный план:
Жизнь отдать
не даром.
Шёл пернатый
на таран,
Ожидал удара.
И боялся одного —
Чтоб не сдуло
ветром.
Надвигаясь на него,
Смерть считала
метры.
Но в ответ
на грозный рёв
Он чирикал грозно:
— Знай, стервятник,
воробьёв,
Знай,
пока не поздно. —
Ну, а дальше
вышло так
(Верьте иль не верьте):
Задрожал
огромный враг,
Испугался
смерти.
Воздух в бешенстве дробя
Чёрным носом,
Уходил
от Воробья,
От матроса.

Прилетел домой
матрос,
Выполнив задачу.
Только там,
где тополь рос,
Пепел плыл
горячий.
Сел на землю Воробей,
Вычистил тельняшку.
Смотрит —
в доме нет дверей,
Окна нараспашку.
В сердце
радость ворвалась,
Выгнала усталость.
Ведь об этом столько раз
Воробью мечталось.
И в заветное окно
Он ворвался лихо.
Было в комнате темно.
Было
тихо,
тихо.

В мамин кутаясь платок,
Еле-еле
Приподняться Вовка смог
На постели.

За весёлость
Воробью
Сделалось неловко.
Голод с холодом убьют
Вовку!
Воробей не знал, как быть,
Он чирикнул вроде,
А из горла хрипло:
— Жить,
Жить, —
неслось к Володе. —
Жить! —
и сам же удивлён
Небывалым пеньем. —

Жить да жить! —
заладил он,
Растопырив перья.
И забилось горячей
У мальчишки
сердце,
Словно в радость
прежних дней
Приоткрылась
дверца.
Словно солнечная нить
На лесной дорожке,
Протянулось слово
«жить»
К Вовкиным ладошкам.
И шептал мальчишка:
— Я,
Я стараться буду. —
И смотрел
на Воробья,
Как глядят
на чудо.
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка,
Воробей расправил грудь
В тельняшке.
И когда пришла пора
Непроглядной ночи,
Он остался до утра,
Насовсем, короче.

Утром Вовке принесли
Хлеба ломтик тонкий.
Глаз не поднял от земли
Воробей в сторонке.
Мол, желанья вовсе нет
Зариться
на крошки.
Завтрак,
ужин
и обед
Вовка сжал
в ладошке.
Да,
пожалуй, ни с одним
Воробьём на свете
В эти горестные дни
Не делились дети.
Не делились,
только здесь
Разговор
особый.
Заявил Володя:
— Есть
Будем вместе,
пробуй. —
И у хлеба меньше вес
Крошек на двенадцать.
Тут-то чудо из чудес
Начало свершаться.
Голод мучил
не сильней —

В первый раз
за столько дней
Легче Вовке стало.
— Ты волшебный Воробей, —
Моряку шептал он.
...Зиму прожили вдвоём
Два вернейших друга.

День сменяя
новым днём,
Шла весна
на вьюгу.
И блокадный свой паёк
В майский день
хороший
Уместить Володя смог
Сразу в две ладошки.
Заглянули в этажи
Солнечные блики.
Не пищал матросик:
«Жить!» —
Он опять
чирикал.

Но чирикал он
с трудом,
Редко-редко:
Даже самый лучший дом —
Всё же
клетка.
А моряк пернатый
жив
Не единым хлебом.
Воробью подай залив,
Солнечное небо.
Но теперь лететь ему
Вроде бы неловко:
Вовке трудно одному,
Как покинешь Вовку?!

Так и стал бы жить матрос,
Но промчались беды.
Там,
где раньше тополь рос,
Вырос
парк Победы.

Поднялось над пустырём
Топольков немало.
Но чего-то
в парке том
Людям не хватало.

А чего —
никто не знал.
Ну, а Вовка
понял.
Воробья тихонько взял
В тёплые ладони.

И подкинул в шум ветвей,
К зелени нарядной.
«Улетай,
мой воробей,
Друг блокадный».

Вовка знал:
когда восход
Горожан разбудит, —
«Птица,
слышите,
поёт», —
Удивятся люди.
Зачирикает сильней
Самый смелый,
Самый первый
В Ленинграде
Воробей.
Не простой
Какой-нибудь
Серый яшка.
Три полоски через грудь —
Тельняшка.

ПИНГВИН
Петрович

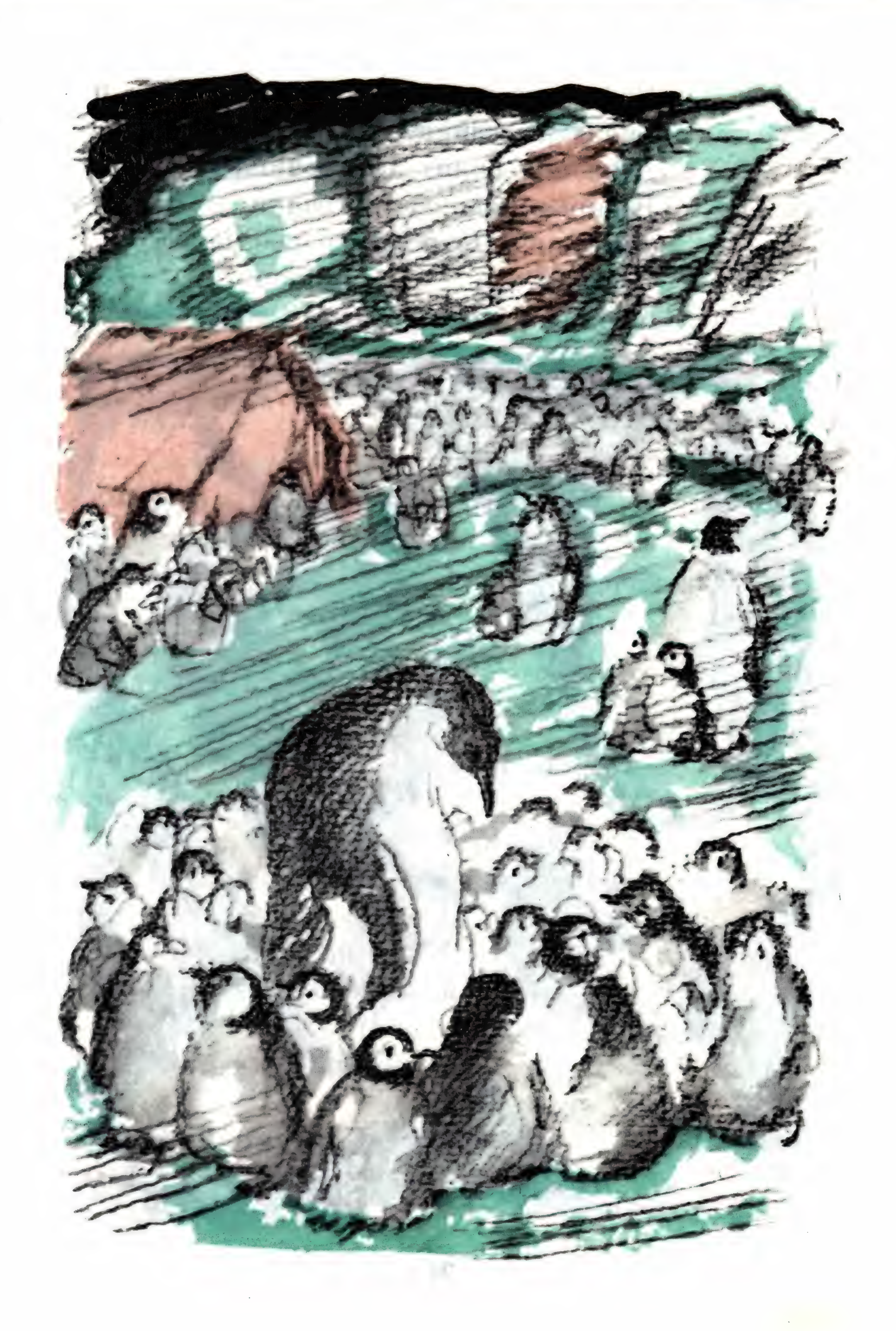
СКАЗКА

Жмутся к берегу крутому
холода.
Строит вьюга голубые
города.
Ветер носится по снегу,
словно пёс,
Потому что щиплет нос ему
мороз.
Даже лёд к такой погоде
не привык,
И трещит
по швам
ледовый материк.

А пингвинам,
а пингвинам
хоть бы что:
Выбегают на прогулку
без пальто.
Им морозы-разморозы
нипочём:
Антарктида для пингвинов —
тёплый дом.
В чёрных фраках,
в белых майках
круглый год
Ходит этот
удивительный народ.
Посмотрите:
папы с мамами
спешат,
В детский сад своих отводят
пингвинят.
Первоклассники,
глядите,
тут как тут:
Льдинки чистые под мышками несут.
Только что же мы стоим
в мороз такой?!
Вон палатка приютилась
под горой.
Там Пингвин Петрович
начал свой урок.
Переступим-ка тихонечко
порог...

На шкуре полярного мишки
Сидят пингвинята в палатке,
Девчонки сидят и мальчишки,
Раскрыв ледяные тетрадки.
Пингвину Петровичу
хором
Урок отвечают ребята:

— Орлы любят
степи и горы,
В болотах сидят
лягушата;
Боясь больше смерти
простуды,
В песках проживают
верблюды. —
Лукав у Пингвина Петровича
взгляд:
— А знает ли кто-нибудь из пингвинят
Про белых зверей,
что живут
среди льда? —
Несётся в ответ ему дружное:
— Да! —
Девчонки кричат и мальчишки:
— Ведь это же
белые мишки!
— А белого мишку
кто видел хоть раз? —
И клювы раскрыл в удивлении
класс.
Живого не видел
никто,
никогда,
Хотя в Антарктиде
достаточно льда.
К Пингвину Петровичу
тянутся
дети,

Пингвина Петровича
просят ответить:
«И как это так,
отчего,
почему
Медведь не встречался из нас
никому?»
Дрожат от обиды
ребячьи ресницы:
Не мог же сквозь льдину
медведь провалиться.
Стал взгляд у Петровича
грустен и нежен,
Он сел поудобней
на шкуру медвежью,
Расправил свой старый,
но чистенький фрак:
— Ну что ж, пингвинята,
отвечу вам
так...
Небывалые огромные следы
Шли от берега
к пингвиньим городам.
С тех времён замёрзло
множество воды,
Уплывали,
приплывали
горы льда.
Шли следы,
а впереди шагал
медведь.

Даже снег в следы
боялся
залететь.
Белой смертью
оказался
этот гость.
Чёрным пламенем в глазах
мерцала
злость.
У медведя зубы —
острые ножи.
Он пингвинов,
будто рыбу,
потрошил.
Догонял легко он тех,
кто стар и мал,
И когтистой лапой
до смерти
пятнал.
Нажирался,
уходил назад,
урча,
От обжорства
брюхо
еле волоча.
Звёзды вслед ему боялись
посмотреть,
А под лапами
стонали
тяжко
льды.

Впереди
бежали
старые следы,
Позади шагал-вышагивал
медведь,
Чтобы завтра же
по собственным следам
Верный путь
найти
к пингвиньим городам.
И однажды,
выйдя снова на разбой,

Пингвинёнка сделал
круглым сиротой.
Малыша бы съел медведь
заодно.

Пасть раскрыл
свою зубастую,
но
Неожиданно пришлось захлопнуть
пасть,
Рядом с крохой пингвинёнком
в снег упасть.
Острым камнем
расцарапать лоб,
По-пластунски уползать
в сугроб.
Удивился пингвинёнок:
«Как же так,
От меня ведь он пустился
наутёк».
Только выглянул и видит:
новый враг
В белой шкуре
с головы до самых ног.
Протянул он малышу цветастый лёд.
И подумал пингвинёнок:
«Всё,
конец...»
Но раскрыл на всякий случай шире рот.
Ох, и сладкий был тот лёд —
леденец! —
Замолчал Пингвин Петрович
тут,
Будто снова леденец держал во рту.
И, причмокнув,
оглядел притихший класс,

И опять повёл в дорогу
свой рассказ... —
Пингвинёнок весь от снега
бел,
Великан пред ним на корточки
присел.

Отряхнул и встать на лапы
помог,
На затылке пригладил
хохолок.
И поехал очень плавно
по снегам,
Прилепив
следы длиннущие
к ногам.
— Стойте, —
пискнул пингвинёнок, —
среди льдин
Леденцов не отыщу я
один.
От медведя убежать
не смогу. —
Лапы так и заплетаются
в снегу.
Как за мамой,
как за папой,
что есть сил
Он за добрым великаном
семенил.
Вдруг навстречу заскользил
огромный дом.
Две луны висели яркие на нём.
Лапы чёрные,
как будто из земли,
Выползали,
и крутились,
и ползли.

Великан
не испугался ничуть,
Не подумал даже
в сторону свернуть.
Головой живому дому кивнул,
И притихнул в этом доме
страшный гул.
В рыжих, жёлтых, чёрных шкурах
к малышу
Великаны подошли,
подняли шум.

Небо спрятали,
жара от них плывёт.
Пингвинёнка
(первый раз!)
бросает в пот.

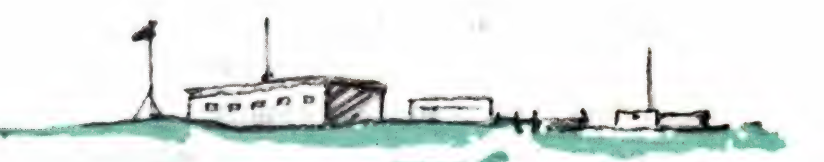

От такой жары
и смерть недалека.
Ищет, бедный,
где же добрый великан.
Великан
на великанов
бросил взгляд.
Сразу небо они отдали
назад.
Возвратили замечательный
мороз,
А мороз
прохладу лёгкую
принёс.
Великаны толковали
вдалеке
На каком-то
иностранном
языке.
Словно к папе,
к белой шкуре
в этот миг
Пингвинёнок
перепуганный
приник...
Великан сказал:
— Беда невелика,
Что ты нашего не знаешь языка.
Разберёшься и поймёшь,
ведь мы —
друзья.

А друзьям
не понимать друзей
нельзя. —
Пингвинёнок,
хоть и был уж очень мал,
Великановы слова
разобрал.

Потому что с незапамятных времён
На земле царит
неписаный закон.
Прост и ясен он везде,
как дважды два:
Понимать нетрудно
добрые слова.
Очень скоро пингвинёнок
смог постичь,
Что зовут его любимца
Пётр Кузьмич.
Забирался он на плечи к Кузьмичу,
Не страшился он усов его ничуть.
А усы, —
как у моржа,
у Кузьмича.
По усам
его от всех он
отличал.
Он гордился,
как отцом,
Кузьмичом.
Каждой ночью снились сны ему
о нём.
В шутку спросят пингвинёнка:
— Ты чей? —
Он сейчас же вспоминал
о Кузьмиче.
И бежал,
дымил морозной пыльцой,
Всем полярникам заглядывал в лицо.

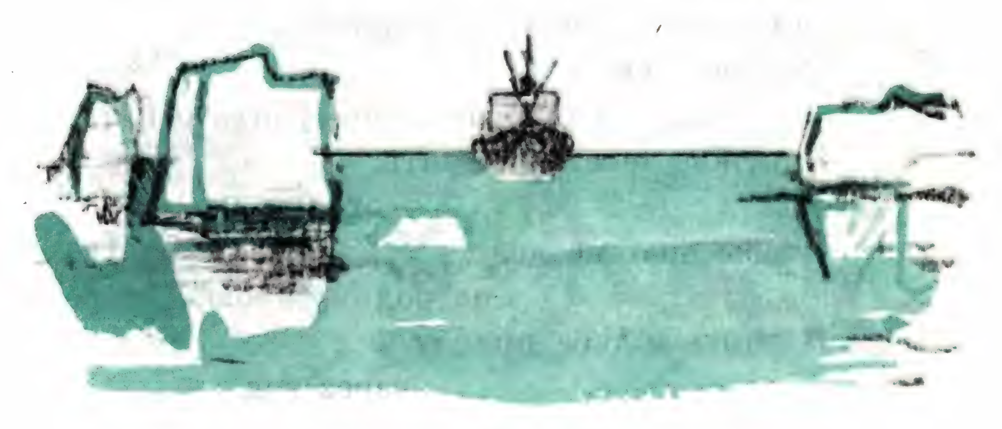

Даже в жаркие палатки
по пути
Забегал,
чтоб Кузьмича скорей найти.
Кузьмичу кричали:
— Ищет тебя сын! —
Пётр Кузьмич улыбку прятал в усы.
Предлагали:
— Нужно имя подобрать,
Пингвинёнку ты теперь
отец и мать. —
Говорили:
— Имя лучшее готовь. —
И тогда Кузьмич в раздумье хмурил бровь.
А друзья басили:
— Хмурить бровь зачем?
Назовём его Петровичем...
— Вот так раз,
Вот так раз, —
Значит, это всё про вас! —
Закричал пингвиний класс.
У Петровича
растроганный вид,
Надвигает он очки на глаза.
— Погодите вы трещать, —
говорит, —

Я вам главного ещё
не рассказал...
Подозвал Кузьмич однажды
малыша:

— Потолкуем-ка с тобою
по душам.
Что ты видишь в океане? —
говорит. —
Ты, наверное, решил, что это кит?
Нет, мой мальчик,
подплывает пароход.
Подплывёт он
и меня заберёт.
Здесь, во льдах,
пингвинья родина твоя,
А меня зовут
далёкие края.
— Никакой я не пингвин,
я твой сын. —
Топчет снег,
твердит упрямо:
— Ты мне папа,
ты мне мама.
А потом как завертел головой:
— Забери меня, пожалуйста,
с собой.

— Я бы взять тебя с собою
рад,
Но уж очень жаркий город
Ленинград.
Нет морозов там приличных
никогда,
Да и снег-то там не снег,
а вода.
Не капризничай,
ведь ты уже подрос.
И держи, как говорится,
выше нос.
А ума тебе теперь
не занимать.
Будешь письма мне по почте
отправлять.
Оставляю я палатку для тебя,
Подрастёшь
и будешь в ней учить ребят.
Я ружьё тебе на память
отдаю,
Чтобы враг не лез
на родину твою,
Я опять к тебе приеду
через год. —

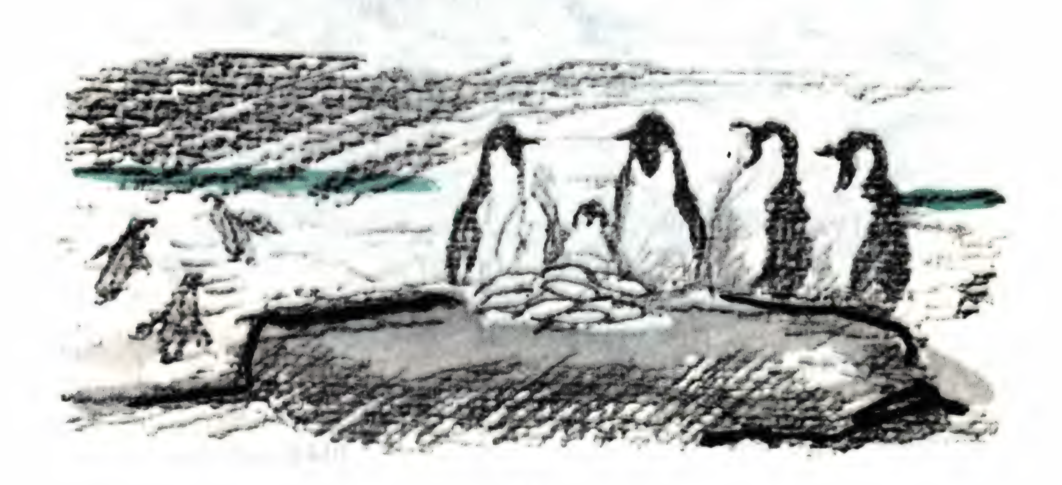
Попрощался
и пошёл на пароход.
Понеслись волнята
следом за волной.
Провожали Кузьмича они
домой.
Грустный-грустный средь снегов,
камней
и льдин
Пингвинёнок брёл по берегу
один.
А когда устал,
устроил привал.
Бутерброд с копчёной рыбой
достал.
Смотрит:
в чёрных фраках
много рыбаков,
Распознал он в них тотчас же
земляков.

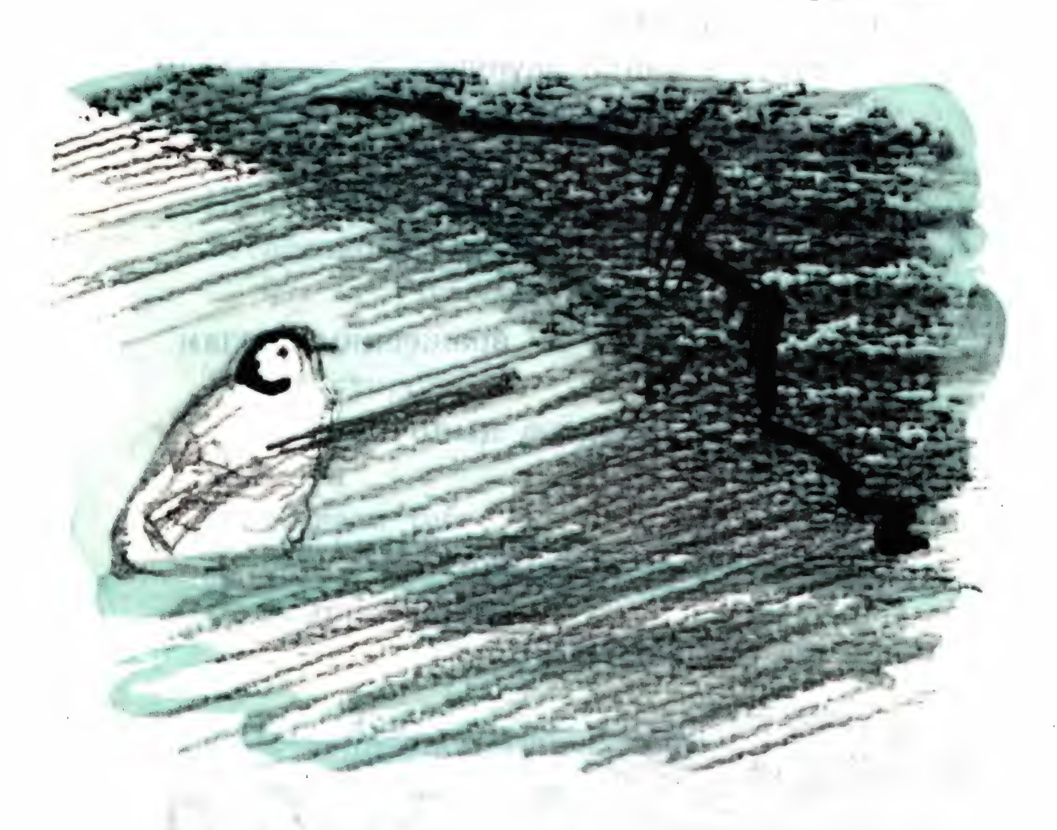
За столом они сидят
из серых глыб.
На столе лежит
горушка свежих рыб.
Земляка зовут
пингвины
на обед.
Говорит он очень вежливо в ответ:
— Вам спасибо от души
за эту честь,
Но сырую рыбу разве можно есть? —
Рассердились рыбаки на него:
— Ты от племени отбился
своего,
Ты не сторож,
не охотник,
не рыбак.
Наплевать тебе,
что нас замучил враг.
Надо совесть бы
пингвинью
иметь.
Ведь родителей твоих сожрал
медведь!
Погляди,
вокруг видны его следы.

Доведут они всех нас
до беды. —
Пингвинёнок страшный день
припомнил вмиг,
Побежал к своей палатке
напрямик.
Возвратился он
с двустволкой за плечом,
И глаза его сверкали
горячо.
Поклонился землякам он
рыбакам
И пошёл ступать
по вражеским следам.
Даже ветер
встал на цыпочки
и смолк,
Потому что он
в погоне
знает толк.

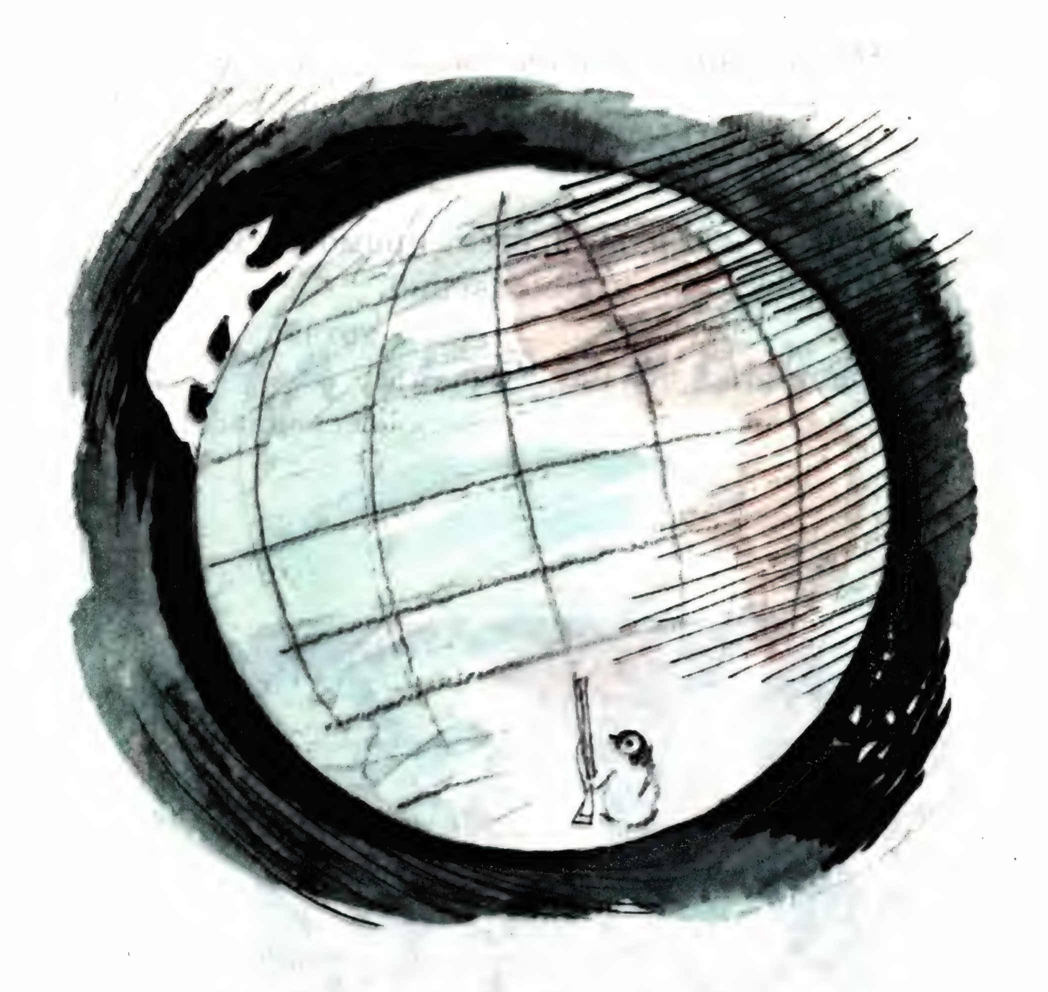
Для медведя
словно в ясном небе
гром
Был пингвин,
который шествовал
с ружьём.

Пулю в лоб
не захотел он
получать.
Стал из шкуры,
как из снега,
вылезать.

И пустился голый к берегу
бегом
По снегам,
камням
и льдинам
босиком.
И бежал
(ведь это надо же суметь!)
Прямо
с полюса до полюса
медведь.
И на полюсе
на Северном
своём
В шкуру новую
врастает он с трудом.
А на полюсе
на Южном
никогда
Не оставит он тяжёлого следа. —
Погрозил Пингвин Петрович
малышам:
— Географию учите
не спеша,
Изучайте мир животных,
чтобы впредь
В Антарктиде
вам не встретился
медведь.

А сейчас закройте
льдинки,
Приготовимся
к разминке.
Встаньте в пары
и бегите побыстрей,
Поглядите:
нет ли в море кораблей?
Беспокойно стал я
спать по ночам.

Что-то долго нет письма
от Кузьмича.
А ведь, может, сам Кузьмич
на берегу!
(Ой, как сердце бьётся, прямо не могу!)
Ну тогда уж я немедленно,
тотчас
Распустил бы на каникулы
весь класс!

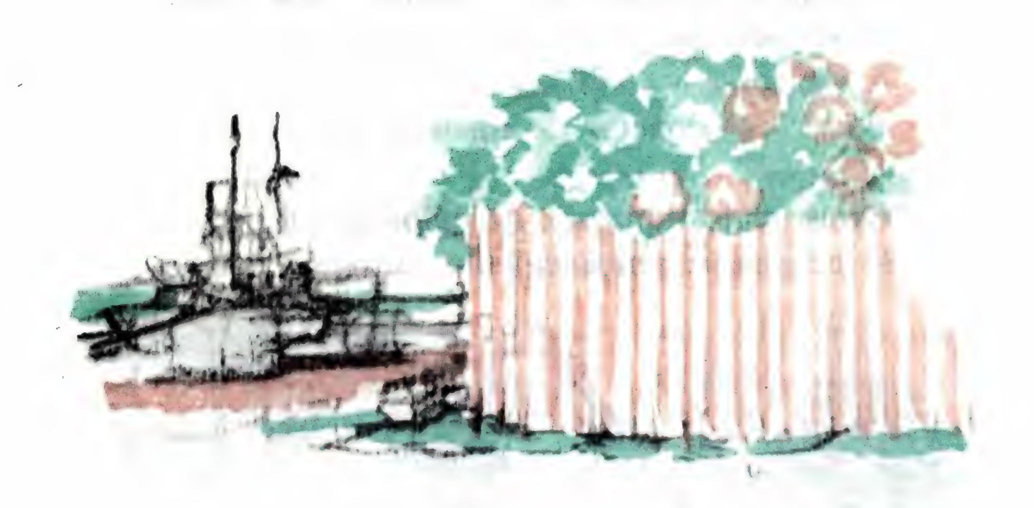

ЛИШНИХ НЕТ НА КОРАБЛЕ

ПОЭМА О РЫЖЕМ ДРУГЕ

ПОЧЕМУ Я ОТПРАВИЛСЯ В РЕЙС

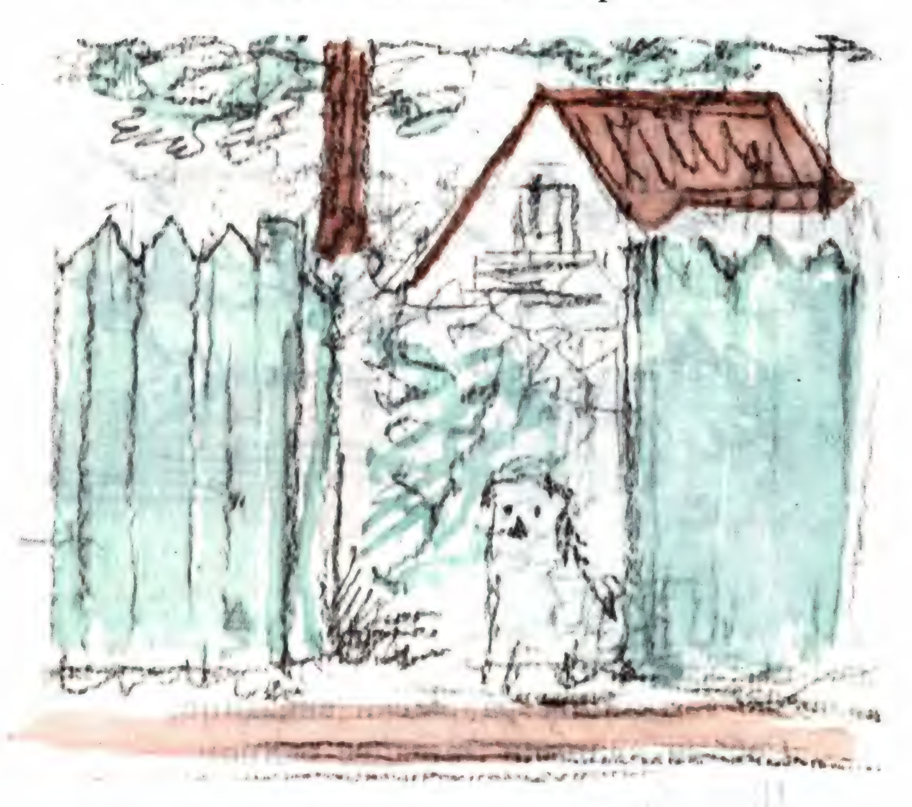
И с первого взгляда
нетрудно заметить,
Что в этом посёлке живут рыбаки:
У пирса под солнышком
греются сети,
Трепещут,
услышав над морем гудки.
Но сети отправились в море.
И где ты
Отыщешь другие рыбачьи приметы?!
Приметы
(пусть это не кажется странным)
В цветах,
затопивших рыбачий посёлок.
В цветах-россиянах,
в цветах-новосёлах,
Что здесь представляют заморские страны.

Но мой-то рассказ про другую примету.
Я с ней познакомился нынешним летом...
Любуюсь на розы, настурции, маки,
А вижу —
совсем не на привязи,
нет, —
Стоят у раскрытых калиток собаки
И слишком внимательно смотрят вослед.

Сейчас же возникла картинка из детства:
Печально взираю на мир с вышины —
Вишу на заборе.
Мне некуда деться,
Поскольку вцепились собаки в штаны...

А эти — совсем не решают задачу:
Схватить или нет?
　　　　　　　　　Приглашают они
Ушами, хвостом и улыбкой горячей:
Входите, мол, в сад,
　　　　　　　　　отдохните в тени.
Но я не решился:
　　　　　　　　　заманят хитрюги —

И будешь под злобное лаянье псов
На радость мальчишкам
　　　　　　　　　плясать буги-вуги,
Штаны вырывая из крепких зубов.
Собаки о чём-то шептались сначала,

Но вместо того, чтоб меня осудить,
Решили сводить к маяку и причалу.
Чтоб я не боялся — пошли впереди.
Я шёл и не мог отгадать:
для чего же
Живут здесь собаки такой доброты.
Не только не лают они на прохожих —
В сады приглашают понюхать цветы.

И тут,
тишину разрывая внезапно,
Собаки ударили лающим залпом.
Не злоба —
приветствие в лае звучало,
И пусть был пока что пустынен залив.
— Идут рыбаки! — пронеслось по причалу. —
Идут... —
И дымок показался вдали.

...Корабль заслонял горизонт,
а из рубки
(Не верю биноклю!), роскошно усат,
Выглядывал пёс.
Не хватало лишь трубки
Во рту у лихого рыбацкого пса.

Когда же корабль подошёл,
                                        то по трапу,
Возглавив команду,
                                как старый матрос,
Уверенно ставя лохматые лапы,
Вразвалочку важно прошествовал пёс.
Навстречу эскорт [1] устремился собачий,
Приветствуя друга на все голоса.
А я на причале стоял, озадачен
Таким представительным выходом пса.
И я пристаю к капитану с вопросом,
А он разжигает во мне интерес:
— Такое понять удивительно просто.
Для этого надо
                            отправиться в рейс.

---

[1] Почётный конвой, охрана, сопровождающая важное лицо.

ПЕРВЫЙ ПОРТРЕТ

Поднят трап —
                    последний мостик
От земли до нас.
За кормою белый хвостик
Вспенится сейчас.
И над волнами запляшет
Всё быстрей,
                быстрей
Точный след дороги нашей,
След на много дней.
Море ближе, берег ниже.
Волны в полный рост.
Палубу обходит Рыжик —
Корабельный пёс.
На корме тюки приметил,
Принял строгий вид.
«Почему не в трюме сети?» —
Взглядом говорит.
Шумом в трюме озабочен:
Что ещё за шум?
«Принайтованы[1] ли бочки?» —
Проверяет трюм.
Проверяет — где порядок,
Где порядка нет.
И теперь, пожалуй, надо
Дать его портрет.

---

[1] Прикреплены.

Если Рыжика поближе
И со всех сторон
Рассмотреть,
так он не рыжий —
Многоцветный он.
Но в глазах
хоть днём, хоть ночью,
Освещая нос,
Звёзд сияет многоточье —
Рыжих-рыжих звёзд.
И вихор ветвится гордо,
Словно деревцо,
Не могу сказать:
над мордой —
Над его
лицом.
Удивительнейшим слухом
Рыжик знаменит,
Хоть одно на страже ухо,
А другое спит.
Вот в машине перебои,
Он к машине вниз —
И причину ищут двое:
Ходят, смотрят — что такое? —
Он и моторист.
А чутьё!
Команде ясно,
Ждёт обед какой:
Хвост крючком — накормят мясом,
Хвост повис — треской.
А порода?

О породе
Спор идти не мог.
Смотришь сбоку —
лайка вроде.
Спереди — бульдог.

И других пород приметы
Он в себе носил.
Но ведь главное не в этом.
Главное —
красив!

МОРСКАЯ НОЧЬ

Какая-то странная сила
Касалась подушки
в тиши,
Меня беспрестанно будила.
Откроешь глаза —
ни души.
Но только смыкаются веки —
Дыханье над ухом впотьмах.
Вздохнул я:
«Живёт в человеке
К неясным явлениям страх».
Чтоб сердце, стучащее гулко,
Моих не будило друзей,
Решаю сходить на прогулку
И с койки слезаю своей.
Тут лапы кладёт на колени
Мохнатый, лукавый нахал,
Кого я неясным явленьем
Минуту назад обозвал...
Над палубой звуки витают.
И снова уходят в полёт.
Наверно, в космической дали
Настройка оркестра идёт.
Поющее звёздами небо
На чуткой лежит тишине.
Ну где бы на суше, ну где бы
Такое представилось мне!
Пульсируют звёздные тропки.
Не сразу могу различить —

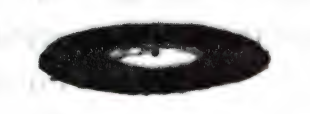
Стучится ли дизель так робко,
Иль сердце так громко стучит.
И тени вдоль поручней бродят
Одни,
без хозяев своих.
И флаг в трепетанье,
а вроде
Давно уже ветер затих.
И блики по палубной меди
Проходят один за другим,
Как будто Вселенная едет,
А мы на приколке стоим.
За бортом ни гула, ни всплеска,
Мягка васильковая синь.
О чуде беседовать не с кем.
Вот Рыжика разве спросить:
— Тебе из-за чуда не спится? —
Он звёздным сияньем оброс:
Протянуты тонкие спицы
К нему
от задумчивых звёзд.
И я ему не собеседник:
Он взгляда не бросит в ответ.
Он занят.
Он лапой передней
Таинственный трогает свет.
Он ритм ощутил.
Вдохновенно
Качает под ритм головой,
Как будто стихи о Вселенной
Родились сейчас у него.

РАДИ НАС ИГРАЕТ ОН...

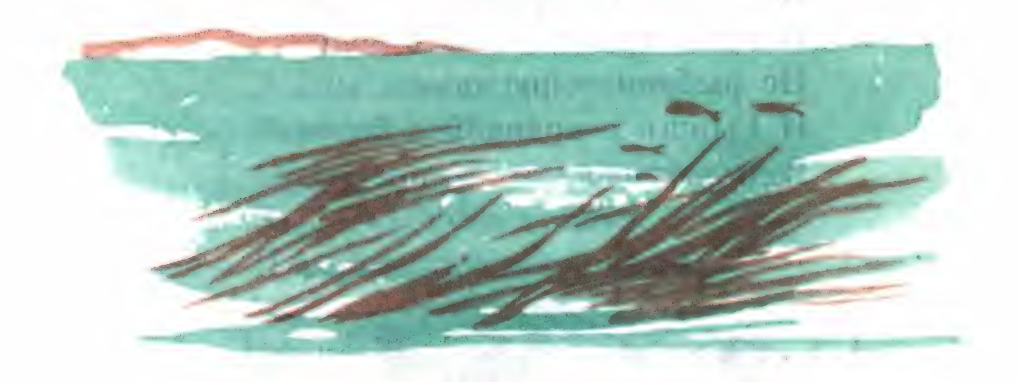
Возникал я утром всюду —
Собеседников ловил.
Про ночное море-чудо
Разговоры заводил.
Как мне небо песни пело
В море звёздного огня...
Терпеливо, между делом,
Люди слушали меня.
Замечали,
                что ночами
Им бывает не до звёзд.
На восторги отвечали
Кто с улыбкой,
                кто всерьёз:
«Чудеса подкараулить
Разве можно в гладь да в тишь.
Чудеса посмотришь в бурю,
Вот когда заговоришь...»
«Чудо —
                дома мыться в бане.
Есть с грибами пироги.
Всё же мы сперва земляне,
А потом уж моряки».
Добавляли,
                глядя строго:
«Поостынет интерес.
Будет в море слишком много
За шесть месяцев чудес».
На ребят взирал с укором.

Я ещё не понимал,
Что о доме вспомнить скоро
Штормовой поможет вал.
Да и тихая погода
Утомит в конце концов,
Если целые полгода
Видишь море с парохода
Без уютных островов
С петушиным добрым утром,
С дымом, полным доброты,
С каждым домом, что укутан
В белопенные сады.
Доброй памятью
согреты,
В дни свиданий и разлук,
На земле живут
приметы
Наших дел
и наших рук.
А у моря что за память?
Неизменно
тыщи лет
За кормою
меж волнами
Исчезает белый след.
Стёрся след.
Тоска в погоню.
От неё не увильнуть,
Всё равно она догонит,
Без следа отыщет путь.
С ней вступают в поединки,

Начинают трудный бой
Звуковые,
                    на пластинках,
Письма,
                взятые с собой.
Под иглой,
                    чуть-чуть шипящей,
Собирая в круг ребят,
Голоса родных всё чаще
В нашем кубрике звучат.
И, не меньше нас взволнован,
Рыжик смотрит на иглу:
«Что такое?»
                        Голос новый
Затевает с ним игру.
Осторожно лапой тронет
Этот голос заводной:
В ящик, видно, посторонний
Уместился с головой.
Пёс смешные рожи строит
И доволен,
                    что смешон,
Что, играя сам с собою,
Ради нас играет он.

РЫЖИК ВИДИТ ВСЁ

А рыба где, а рыба где?
А рыба где-то ходит.
Который день, который день
За нею мы в походе.
Ведь даже рыбку из пруда,
Недаром говорится,
Ты не поймаешь без труда.
А здесь — на сотни миль вода.
А что в пруду? Водица.
Утюжит волны пароход,
А ветер нас утюжит.
Ну что молчишь ты, эхолот?! [1]
Давай сигналы, ну же!
И вот он пискнул раза два.
Нельзя ему не верить!

---

[1] Прибор, определяющий глубины, в данном случае — помогающий рыбакам в поисках косяков рыбы.

А вышло что?
В сетях трава —
Подводный вырван скверик.
И мы в траве, и мы в воде.
Не рыбаки — русалки.
И Рыжик с травкой в бороде
Вздыхает жалко-жалко.

Всего-то вздох, но столько в нём
О рыбаках заботы,
Что мы улыбками цветём,
А злость с травой — за бо́ртом!
. . . .
Гадать напрасно —
сколько их,
Авралов, впереди.
Отбой — и встреча с койками,
И сразу в сны летим.

А сны вовсю работают,
В ушах лебёдки гуд.
Вторую... третью... сотую...
За сетью сеть трясут.
И рыбы, как затрещины,
На голову летят...
А сны бывают вещими,
Матросы говорят...
Влетает Рыжик кубарем,
За ним летит:
— Аврал! —
На крепко спящих в кубрике,
На тех, кто недоспал.
Несёшь какие вести нам,
Не травка ли опять?
— Ах, Рыжик, брось ты, бестия,
Усами щекотать! —
В оранжевые робы мы
Влезаем с головой.
Шагаем, словно роботы,
За Рыжкиной спиной.
Он тянет лапу медную
И лает, возмущён —
Ползём по трапу медленно,
Считает, видно, он.
Танцует дождь на палубе
Свой танец вихревой.

Воды как будто мало нам
Досталось без него.
Вползает в робы рыжие,
К спине уже прилип.
И каждый, кроме Рыжика,
Похож на рыжик-гриб.
Мы ждём.
И вот над гребнями,
Как чудо из чудес,
Возник поток серебряный.
И дождь для нас исчез.
Идёт поток конвейером.
Гудит приказ:
— Давай! —
Идёт поток.
Успей его
Схватить за скользкий край.
Над головой подбрасывай,
А тяжесть — будь здоров!
И раз и два, и раз и два —
Летит к ногам улов.
А ноги ставь пошире ты:
Качайся, но держись.
Вода бежит за шиворот,
Чтоб сразу паром ввысь.
Мы чешуёй облеплены,
Вполне сойти могли б
За рыбины нелепые
Среди красивых рыб.
Рука немеет правая,
И левая за ней.

Сумей поспеть за лавою
Трепещущих сетей.
И Рыжик с нами мается.
За всеми нужен глаз.

Не голова,
а маятник
У Рыжика сейчас.
Но вот внезапно замер он.
Мне взглядом говорит:
«Не выдержишь экзамена —
Ты сбил рабочий ритм».
Момент всего смотреть ему,
А стыд такой,
что жуть!
Тут сразу скорость третью я
В работе нахожу.
С лица и пот не вытереть.
Какой же сеть длины?
Неужто до Юпитера?
Уж ладно б — до Луны.

ОТВЕЧАЕТ КАПИТАН

По какой причине странной,
Я ответить не готов,
Мне казалось —
капитаны
Не бывают без усов.
Может, фильмы виноваты,
Может, сам тому виной:
Капитан всегда усатый
Возникал передо мной.
Он в команде всех суровей,
Он седые хмурит брови.
А на нём парадный китель
В дни отплытий и приплытий.
Он орлом глядит из рубки.
Сизый дым ползёт из трубки.

Продолжать, друзья, не стану,
Неохота продолжать:
Вы такого капитана
Сами можете создать.
Капитан Борис Коровин
По-спортивному одет.
А седые хмурить брови
Будет через сорок лет.
Да и будет ли он хмурить?
Нет, представить не могу!
Ведь иначе
мне дежурить
До сих пор на берегу.
По морям ходил немало.
Рейсы все его сложить —
От родимого причала
До родимого причала —
Можно землю окружить.
Про усы — какие речи! —
Молодёжный экипаж.
Впрочем, был один отмечен
И усами —
Рыжик наш.
Ну а трубка?
— Их десятки
Из десятка разных стран.
Так что с этим всё в порядке, —
Мне ответил капитан. —
Для музея Заблуждений
Я коллекцию собрал.
Для грядущих поколений

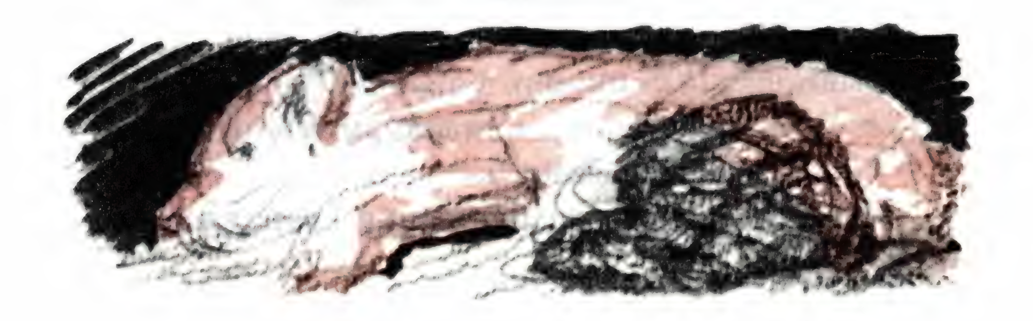
Презабавный матерьял.
Вдруг узнать необходимо,
Что за люд курящий был.
Из каких орудий дымом
И за что себя травил.
Словом, в рубке я без трубки.
И отпал другой вопрос:
Мне орлом глядеть из рубки
Очень трудно — я курнос.
Есть вопросы наготове?
Продолжайте интервью, —
Говорит Борис Коровин.
— Есть вопросы, — говорю. —
Про улов, про просто рыбу.
И ещё про рыбу-меч. —
Он смеётся:
— Не могли бы
Их до шторма приберечь?
Вот объявят восемь баллов,
Скажет рыба нам — привет.
Ляжем в дрейф.
Работы мало...
Обстановка для бесед... —

Но до шторма выпал случай
Нам беседовать опять.
Капитан
собачью участь
Стал со мною обсуждать.

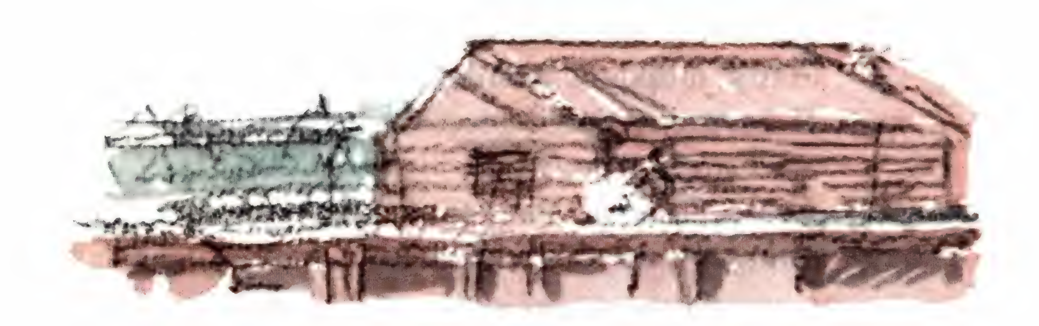

Дело в том, что Рыжик на пол
Лёг в каюте у него.
И показывал нам лапу:
Мол, поймите, занемог.

Где там бегать — только шаркать.
Ноет лапа — маята!
Капитан расстался с шарфом,
Лапу шарфом обмотал.
И шепнул мне:
— Снова приступ.
Ревматизм не отстаёт.
Старику пора на пристань,
Служит ведь десятый год!
Он с таким солидным стажем
Получить давно бы мог
И песок горячий пляжа,
И у печки уголок. —
Тут за Рыжика досада
Накатилась на меня:
— Так зачем же было надо
Пса оставить без огня,
Без уюта, без приюта,
Без устойчивой земли?
Неужели вы к кому-то
Пса устроить не могли?!
— Говорить легко. Попробуй
С этим псом решить вопрос. —
И вздохнули разом оба —
Капитан вздохнул и пёс.

РЫЖИК В ОТПУСКЕ

Как однажды отпуск Рыжику был дан,
Рассказал мне в этот вечер капитан...
— Вот в такое точно время,
в прошлый год,
Мы решили:
пусть хоть рейс передохнёт.
По посёлку всей командой шли за ним:
Выбирай по вкусу дом,
по вкусу дым,
Вид на море или поле
выбирай.
Он на пирсе отыскал себе сарай.
В нём всегда царит пронзительная тьма,
Досок, бочек и верёвок кутерьма.
Мы в столовую колхозную пришли.
Каждый вынул не какие-то рубли,
А такие деньги, что столовский кок
Вместе с Рыжиком
слона кормить бы мог.
Уходили из посёлка без гудка,
Чтоб не мучить на прощанье старика.

На замок сарай закрыли в первый раз.
И никто из нас
на пирс не поднял глаз...
Море справа, слева, по носу,
вразброс.
Мы запрашивали берег:
«Как там пёс?»
Отвечали: «Привыкает кое-как,
Скоро станет сухопутным ваш моряк».
— Ой не скоро! — понимали.
Только знать
Не могли, что не хотел он привыкать.

...В тишину ночную шёл он, одинок, —
Вдруг из моря прилетит родной гудок.
Ежедневно выходил он на причал,
Но другие СРТ [1]
не провожал.
Только грустно псу знакомому кивнёт,
Если пёс на свой шагает пароход.

---

[1] Средний рыболовный траулер.

А когда совсем взяла его тоска,
Он щенков себе в посёлке отыскал.
Он их с пирса прямо в лодку опускал:
Поначалу к малой качке приучал.
Закрывали уши лапами щенки —
Нерадивые его ученики.
Чтоб усовестить своих учеников,
Антрекоты оставлял он для щенков.

Но однажды кок приносит антрекот,
Ищет, свищет, а клиента не найдёт.
Всех мальчишек по тревоге поднял кок.
Обыскали весь посёлок, сбились с ног.
А девчонки принеслись в погранотряд.
— Дайте срочно нам ищейку, — говорят.
И ведь надо же такое —
в первый раз
Потерял следы заслуженный Джульбарс.

. . . .
У горячих африканских берегов,
У банановых Канарских островов
Мы узнали, к нам на промысел идёт
Из флотилии колхозной пароход.
(В океане с поселковыми порой
Как на улице встречаемся родной.)
Мы, конечно, их берём на «абордаж»:
— Как, скажите, поживает Рыжик наш? —
От мальчишек отдают они письмо.
Пишут: «Скрылся. Далеко уйти не мог.
Ищем ночью, — сообщают, — ищем днём.
Не волнуйтесь.
Обязательно найдём».
У соседей возле трюма входит в раж,
Скачет, лает тоже Рыжик,
да не наш.
Тут из трюма (хоть глазам своим не верь!)
В клубах пыли вылетает чёрный зверь.
Белоснежная улыбка до ушей,
И глаза — две рыжих звёздочки — над ней.
Прокатился над Атлантикою гром.
— Это Рыжик! —
всей командою орём.
А соседей удивление берёт:
— Как пробрался, как проник на пароход?!
Мы и ведать-то не ведали о нём,
Хоть немало дней до Африки идём.
Вот ведь дружба — вы подумайте —
наш пёс
Капитану о пришельце не донёс.

Мы-то радовались:

есть он за двоих.

Оказалось,

получал он на двоих...

— Дорогой товарищ Рыжик, — говорим, —
Вместе с Рыжиком, товарищем своим,
Что, на счастье нам, хранить умел секрет,
Проходите на торжественный обед... —
Вам понятно уж, какой обед был дан, —
Заключил рассказ про отпуск капитан.
Рыжик слушал и кивал нам головой:
«Ну а как же, если я пришёл домой».

ШКОЛЬНЫЙ ДЕНЬ

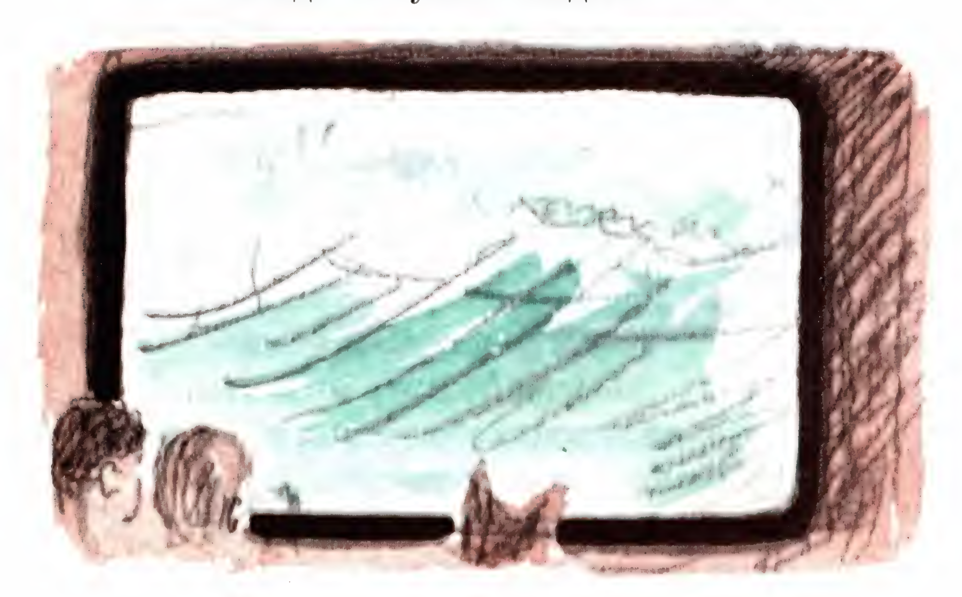
Учебный день, учебный день —
Тетрадей день и книжек.
Шагает — уши набекрень —
Лихим матросом Рыжик.
Один за всех шагает он,
А всем не до прогулок:
Кто в теорему погружён,
Кто в книгу про акулу.
Забрался боцман в глубь веков,
А сам сидит на трапе.
Он ясно видит жизнь рабов
В законах Хаммурапи.
Хоть в древнем мире не впервой,
К жестокостям не может
Привыкнуть боцман.
Головой
Качает.
Рыжик тоже.

Вот путешествует рыбак
Со скоростью ракеты.
Он вертит глобус так и сяк:
Где мыс Надежды, где ты?!
Чтоб скрыть усмешку, пёс зевнул:
Глядеть, мол, надо в оба.
И носом к носу развернул
На нужном месте глобус.

— А ну, профессор, к нам спеши.
Вниманьем нас пожалуй.
Взгляни, задачки не решить
Нам без тебя, пожалуй. —
Самим вниманьем Рыжик стал.
И поднял оба уха.
Склонясь к тетрадочным листам,
Он каждый знак обнюхал.
И лапой отстранил тетрадь,
Спиною встал к тетради.
«Ну что тут было не понять?!» —
Написано во взгляде.

Стирает капитан чертёж:
Должно быть, клякс наляпал.
Резинкой разве их сотрёшь?
И Рыжик тянет лапу.
— Нет, нет, мой друг, не помогай! —
Вот за труды награда!
И Рыжик поднимает лай:
«Не хочешь — и не надо,
Хватает без тебя забот,
Везде я нужен людям».

Теперь он в кубрик завернёт,
Там фильм учебный будет.
И вот уже не полотно —
Гуденье океана.
Неясно Рыжику одно:
Когда воды кругом полно,
Смотреть про океан кино
По меньшей мере странно.

Вздыхает Рыжик.
Снова в путь,
Ещё у кока не был,
Вдруг пересолит что-нибудь;
Кок изучает небо:
Созвездья Киля, Парусов,
Кормы и,
между прочим,

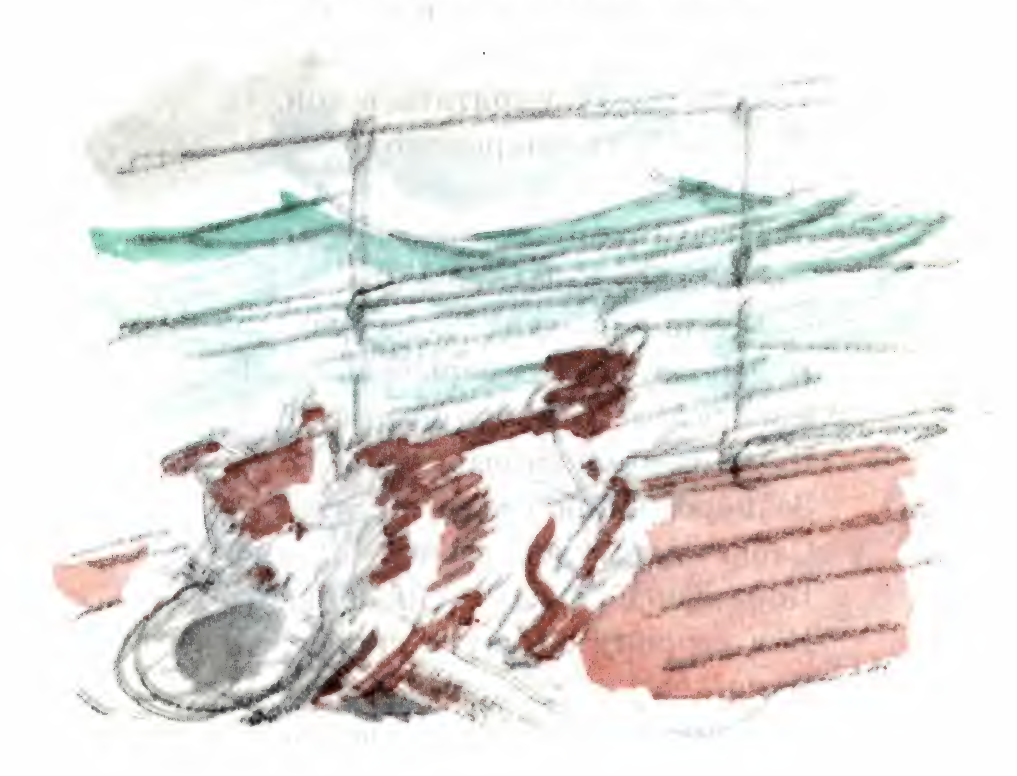

Ярчайшие созвездья Псов:
Больших и Малых, Гончих.
И если суп не подгорит,
Радушно дверь откроет,
Беседой звёздной угостит
И костью на второе.

На задних лапах в полный рост
Встаёт пред коком Рыжик.
Спиралью быстрой вьётся хвост:
«Ведь я пришёл, смотри же!»
А кок ему:
— Зови ребят,
Пусть складывают книжки. —
И Рыжик указанью рад —
По палубе вприпрыжку.
Ученики идут гурьбой.
Исчезла их степенность.
И шум у камбуза такой,
Как в школе в перемену.

ШТОРМ БЕЗ ИНТЕРВЬЮ

— Дождались шторма! — сказал капитан.
Гляжу на море из рубки:
Волна за волною бежит по пятам,
Каждая в белый рубчик.
Но тучи ещё не коснулись рей.
Ни грома, ни молний слепящих.
А Рыжику
тоже, должно быть, видней,
На палубе миской грохочет своей:
В кубрик по трапу тащит.
Иду, подчиняясь приказу,
за ним.

Бушуют во мне протесты:
Выходит, на палубе нам двоим
В шторм не найдётся места.
Решаю обиду упрятать в сон.
Не мне быть вперёдсмотрящим.
Ложусь.
Ко мне подбирается слон,
Но только, как тигр, рычащий.
Сразу понял, что это во сне,
И всё-таки сон прерываю.
Слонотигра в кубрике нет.
Боцман меня укрывает.
За переборкой волна шипит,
Словно над ухом змеи.
Койка подбросить меня норовит
И в сторону юркнуть скорее.
Ясно,
что с полом встречаюсь теперь
Чаще,
а с койкой реже.
Тайные взгляды бросаю на дверь:
Тянет на воздух свежий.
Но ты ещё эту дверь отвори,
К шторму рванись, наружу,
Да так, чтоб никто у тебя внутри
Шторма не обнаружил.
«Придётся сейчас выводить новичка», —
Должно быть, думает Рыжик.
Боцман кричит:
— Берегись толчка,
Море палубу лижет! —

Какое там лижет!

Встаёт на дыбы,

Чтоб разорвать на части.

Вопрос решает:

быть иль не быть?

Без моего участья.

Плохо иметь только две ноги.

Рыжик счастливый —

четыре.

На всякий случай кричу:

— Помоги! —

Руки расставив пошире.

Волна, словно щепку, меня берёт,
Лечу с тоскою во взоре:
Гадай, где кончается пароход,
Где начинается море.
А дальше
(о, как я потом воспою
Блаженнейшее мгновенье!)
Вгрызается Рыжик в штанину мою
И обрывает паренье.
До кубрика долго ползёшь,
словно рак.
Точнее —
на четвереньках.
— Ну как там на палубе качка, рыбак?
— Да так, — говорю, —
помаленьку. —
Стараюсь, чтоб вид безмятежным был,
Швартуюсь у стенки зыбкой.
Вижу,
как Рыжик лапой прикрыл
Ехиднейшую улыбку.

О ГОЛЛАНДСКОМ СЫРЕ И ГОЛЛАНДСКОМ ЮНГЕ

То лягу, то встану,
то лягу, то встану,
А точки опоры всё нет.
Ну как тут не вспомнить слова капитана,
Что буря как раз для бесед.
Волна, словно палками по барабану,
А наш пароход — барабан.
В динамике голос возник капитана.
— Тревога, — сказал капитан.
И тут же радист сообщает команде,
Вещает на весь пароход:
— О помощи просит какой-то голландец,
Какой-то голландец зовёт. —
Кричат рыбаки мне:
— Смотри-ка, смотри же,
«Голландский» услышал барбос. —
Под койку ползёт от динамика Рыжик
И прячет под койкою хвост.
Пока мы в штормовки успели одеться
И вылезти в яростный мир,
Узнал я историю.
Рыжику в детстве
Голландский понравился сыр.

А был в эти дни капитан на диете,
Нет, нет, не Коровин — другой.
А Рыжик в каюту залез на рассвете,
Головку голландского сыра заметил,
Залез в этот сыр с головой.
Глаза капитан открывает.
                                        О чудо!
Катается сыр и визжит.
И Рыжика хвост вылезает оттуда,
А ухо отсюда торчит.
Давно ведь случилось.
                                        И был-то — щенуха.
А в памяти всё бережёт.
И в панику сразу,
                                        как только до слуха
Одно это слово дойдёт...
. . . .
Мы вертим прожектор.
                                        Он должен пробиться,
Хоть трудно пробиться ему:
Меж ночью и светом размыта граница,
И свет, точно в белом дыму.
Но вроде бы качка чуть-чуть подобрела,
А палуба стала прочней.
Выходит, что в шторм находиться без дела
Бывает намного трудней.
Машина работает часто и чисто.
Гудит, надрываясь, гудок.
И только не радует весть от радиста:
— Был рядом голландец —
                                        и смолк. —

Тире торопили
                    тревожные точки.
«Спасите!» —
                    в эфире неслось.
И вот оборвалась, как ниточка,
                                        строчка,
Исчезло призывное SOS!
А море — ну словно нам мало заботы! —
Фантазии ловко плетёт,
То парусом взмоет у самого борта,
То волны положит, как плот.
Ты только вздохнёшь, чтобы выкрикнуть:
                                                  «Вижу!» —
Мираж размывает волна.
Что дело не в сыре, почувствовал Рыжик
И вылез на палубу к нам.
Жар-птицами мчатся от борта ракеты,
Теряя перо за пером,
Как будто им надо домчать
                                   до рассвета,
Поднять его в небо крылом.
В безбрежном просторе,
                              в бескрайнем просторе
Есть всё-таки край —
                         горизонт.
Теперь-то я знаю —
                         безбрежное море,
Когда он волною снесён.
Теперь-то я знаю —
                         моряцкое зренье
Нельзя с сухопутным равнять.

Закроешь глаза —
волны бьются в круженье.
Откроешь —
круженье опять.
Глядишь в это хитросплетение
жадно,
И вот наконец он возник:
— Слева по курсу! —
Такой долгожданный,
Такой неожиданный крик.
Летучий голландец...
О, если б летучий:
Он в воду заваливал борт.
И мачты встречали летящие кручи,
Как тонкие шпаги в упор.
— К подветренной шлюпке! —
приказ капитана.
Срывают со шлюпки брезент.
А Рыжик на шлюпку бросается рьяно,
Чтоб в море со шлюпки глазеть,
Чтоб быть для спасителей
зреньем и слухом,
Чтоб лаем команды давать.
Он даже второе висящее ухо
Старается к небу поднять.
Но боцман суров:
— Обойдёмся без рыжих. —
И с Рыжиком я в стороне.
Шлюпбалки скрипят.
Шлюпка ниже и ниже.
И вот уж она на волне.

...Мы лишь на рассвете вздохнули свободней:
— Ослабь...
Приготовься...
Рывок!.. —

Последний голландец на палубу поднят,
Но мечется Рыжик у ног.
То мчит к рулевому,
свирепо рычащий,
То лезет к механику вниз.
Отчаянно лает,
всё чаще и чаще
Срываясь на яростный визг.
С чего бы такое —
понять нелегко мне.
Сказал капитан:
— Поглядим. —
Теперь уже боцман про рыжих не вспомнил,
Шёл сзади, а пёс —
впереди.
Он встал на носу
возле самого края.
А сам капитан —
за штурвал.
И верьте не верьте,
но Рыжик не лаял,
Он лаем команды давал.
И прежде, чем вахтенный выкрикнул:
«Вижу!»,
И прежде, чем стопорить ход,
По ходу движения ласточкой Рыжик
Рванулся в опасный полёт.
Он, как поплавок, между волнами юркнул.
И шлюпка за ним по пятам...
Пока подбирали голландского юнгу,
Он юнгу подталкивал к нам.

В тот день мы герою
с приветствием жарким
Котлеты носили свои.
Но Рыжик был занят.
Завернутый шарфом,
Он вёл с ревматизмом бои.

СИРЕНЕВЫЙ ИНОСТРАНЕЦ

Сбавляем ход.
Мотор стучит всё глуше.
Два города возникли за кормой.
Один, как и положено,
на суше.
Но мы сначала входим во второй.
В нём улицы изменчивы и гулки,
В нём места просто нет для площадей,
В нём плавны голубые переулки,
Поскольку это —
город кораблей.
Наш СРТ —
малыш среди громадин.
Но гордость есть и в нашем малыше.
Мы б не пошли сюда экскурсий ради,
Хотя нарядный берег по душе.
Нас в лабиринт заводит катер ловкий.
Почтительно отходит теплоход,
И уступает место для швартовки,
И медным басом:
— Здравствуйте! —
орёт.
У нас уже голландцы в полном сборе.
Им неудобно на берег спешить.
Но после встречи с разъярённым морем
Как хочется
им землю ощутить.
Радист до нас голландцев речь доводит.
(Он по-английски знает тридцать слов.)

Выходит в переводе
нечто вроде:
— Спасибо за неплановый улов. —
На бочке Рыжик,
словно царь на троне,
Сидит среди внимательных гостей.
Он к одному лишь юнге благосклонен,
Его он костью жалует своей.
Но вот в причал пружинят мягко кра́нцы [1],
А кажется,
что борт пружинит сам.
Теперь надолго берег для голландцев,
И чтоб размяться —
нам на полчаса.
Нам вновь учиться надо ставить ноги,
Морское притяженье одолеть,
Ходить легко,
не чувствуя дороги,
Как ходят все земляне по земле.
Мы к ней опять доверчивы,
как дети,
Коперника готовы уверять:
Уж если что и кружится на свете,
Так только не планета,
а моря.
Мы всё ещё шагаем,
как на лыжах,
Чтоб не был шаг уж очень невесом.

---

[1] Приспособления, укреплённые за бортом и предохраняющие судно от ударов.

Презреть привычки может только Рыжик,
Он катит по дороге колесом,
Но вдруг ему навстречу иностранец.
Наш Рыжик на ходу сообразил,
Что он в своём круженье просто странен,
И колесо своё остановил.

И раскрутил.
И на ноги поставил.
Хвост распрямил и взял на караул.
А на лице,
согласно добрых правил,
Широкую улыбку развернул.
Был иностранец бледно-фиолетов,
Нёс локоны над гордой головой
И, несмотря на солнечное лето,
Затянут был жилеткой меховой.
Он видел мир вокруг себя едва ли.
Он в мир шагал, наверное, затем,
Чтоб на груди
десятка два медалей
Звенели о терьерской красоте.
Нет,
большего сюрприза приготовить
Для Рыжика природа не могла.

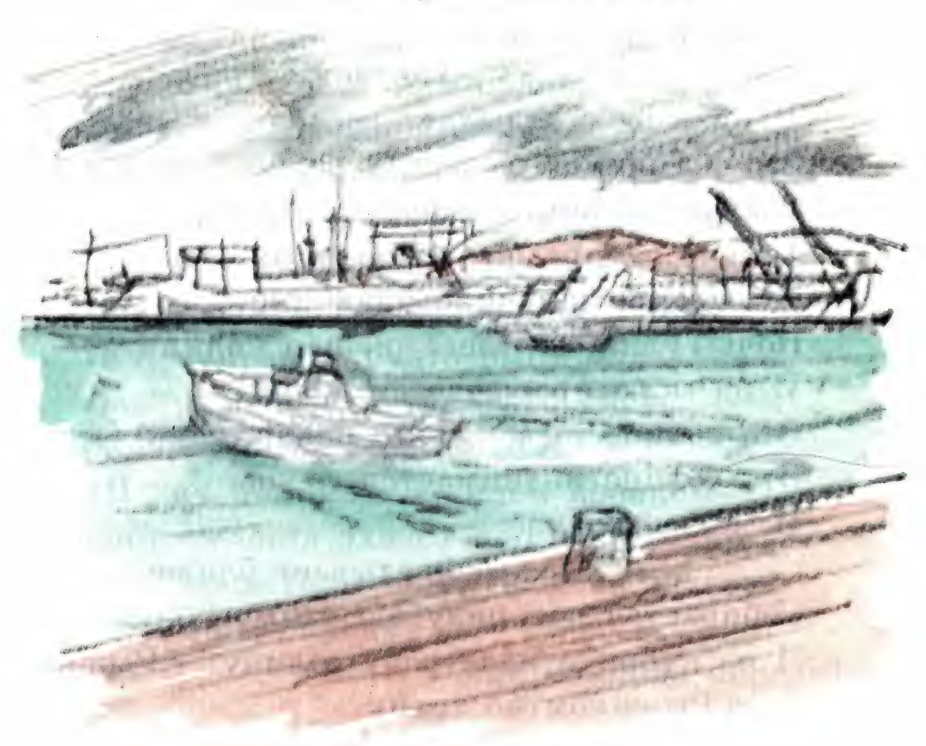
У Рыжика на лоб полезли брови,
Дорога заскользила из-под лап.
Да как же так:
он обогнул полсвета,
Он посетил не две,
не три страны,
А вышло,
что увидел он планету,
Но только не с парадной стороны.
Он к красоте сиреневой поближе
Придвинулся.
Он нервно вспоминал
Своих знакомых —
рыжих и не рыжих,
Его встречать бегущих на причал.
Похожих в чём-то,
хоть и в чём-то разных,
Работавших на суше,
на морях.
Но среди них в жилетках были разве,
Сиреневые,
в золоте,
в кудрях?!
Возникла в сердце смутная обида,
Хотя наряды были ни при чём.
Сдержался Рыжик
и не подал вида,
Лишь красоту толкнул одним плечом,
Чтоб знала наших.
Подтолкнул нешибко.
Международный ни к чему скандал.

И пасть захлопнул,
чтобы по ошибке
Сиреневый загривок не попал.
И вдруг увидел:
люди, люди, люди
Бегут,
на все смеются голоса.

Голландский юнга тащит торт на блюде.
«Должно быть, для сиреневого пса».
Поспешно Рыжик отошёл в сторонку,
Но торт ему подсунули под нос.
А кто-то стал снимать его на плёнку,
«А что снимать, когда я пёс как пёс.
И торт к чему?»
Лизнул его не морщась,
Хоть сладкого совсем терпеть не мог.
И тут, на счастье, радостно и мощно
От дальних пирсов прозвучал гудок.

Он вплыл в портовый шум многоголосый,
Он был, как все гудки,
неповторим.
Нет, не для всех —
для опытных матросов,
А Рыжик,
несомненно, был таким.
И, отсигналив гибкими ушами:
«Вас понял ясно.
Следуем на борт», —
Пошёл трусцой.
И всё следил за нами.
И лаял нам:
«Не разевайте рот».

РЫЖИК НА ВАХТЕ

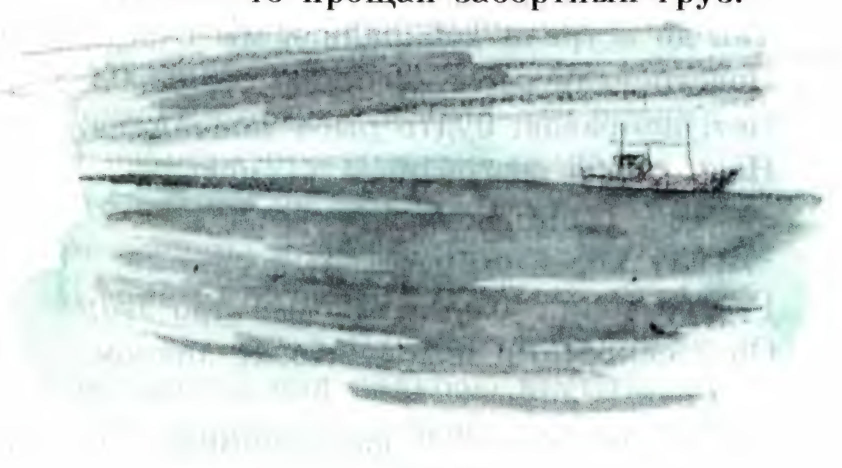
Снова море, снова море.
                                        Нет, не снова.
Снова — может быть прибрежная вода.
Обещает повторенье это слово.
Нет у моря повторений никогда.
Вот опять оно фантазии заводит,
Между делом совершает чудеса:
Отражение цепляется за воду,
Без него уходит остров в небеса.
Даже Рыжика —
                                бывалого матроса —
От таких картин смущение берёт:
То ли в самом деле
                                улетает остров,
То ли в небе отдыхает вертолёт.
Вот и солнце (в сказках верно говорится.
Сказки, видно, сочиняли рыбаки)
Только в море пожелало поселиться
И от моря получило плавники.
Ночь гуляет над лесами, над полями,
И на море просыпается волна.
Это солнце шевельнуло плавниками,
Это солнце поднимается со дна.
И, приметив нас,
                                подкатывает ближе,
Собирается над палубою взмыть.
И из кубрика навстречу солнцу — Рыжик,
А за Рыжиком по трапу
                                        лезем мы.

Нам сегодня надо сети выбрать снова.
Нет, не снова.
Каждый лов неповторим.
Мы волнуемся, как дети,
перед ловом.
И в пучину непроглядную глядим.
И гадаем:
повезло — не повезло ли?
Кухтыли [1] нам колыхаются в ответ.
Потираем на руках своих мозоли:
Обманула нас селёдка или нет?
По дорогам по зелёным да по синим,
Разбивая столько волн в седую пыль,
Весь вчерашний день за нею колесили,
Распахали не один десяток миль.
Мы к приборам обращались то и дело,
Получали указанья от земли.
Но и рыба в нашем веке поумнела,
Времена теперь для неучей прошли.
Так до встречи добирались мы счастливой,
Повстречали разговорчивую сельдь.
Нет, неправда, будто рыба молчалива.
Надо с нею разговаривать уметь.
Эхолоту рыба выдала секреты:
«Я иду под вашим килем косяком».
Растрезвонил эхолот про всё про это:
Он с секретами по службе не знаком.
— Сети к спуску! —
как команда перед боем...

---

[1] Поплавки для сетей.

Оставляя в море точки кухтылей,
Исполинским ожерельем под водою
На канате развернулось
сто сетей.
Замолчал мотор.
Дремать винту-трудяге.
В дрейф ложится наше судно
до утра.
Только ветер за собою нас и тянет.
Ожидание —
тревожная пора.
Можно книжек перевёртывать страницы,
Мягкий свет в кают-компании зажечь.
Всё равно от ожидания не скрыться,
И тревогу, словно плащ,
не сбросишь с плеч.
Что задумает сегодня ночью ветер?
Если бурю,
то прощай забортный груз.

Может, серые медузы влезли в сети,
А селёдка — врассыпную от медуз.
Наконец-то,
будто в окнах занавески,
Распахнулись розоватые дымы.
И на палубе, надраенной до блеска,
Рядом с Рыжиком и солнцем
встали мы.
На волнах, как на качелях,
тунеядцы —
Чайки-клуши —
окружили пароход.
Нашей техники нисколько не боятся.
Чайки — тоже понимающий народ.
Кто в защиту тунеядцев
слово скажет?
Ну а эти тунеядцы —
добрый знак.
Если клуши к тралу выставили стражу,
Веселее за корму глядит рыбак.
Тишину толкнул мотора вздох короткий.
От воды теперь глаза не отрывай.
Начала канат наматывать лебёдка.
Первой сети показался верхний край.
Достигало ожидание предела.
Сеть боролась с напряжённою водой.
И, всплывая,
разбухала и грузнела
Ослепительной живою белизной.
А по белому скользило столько радуг!
Хватит радугу в полнеба развернуть.

Прямо в руки рыбакам пошёл
порядок [1],
И они уже в той радуге по грудь.
Рыжик быстренько снимается с позиций.
Даже дог бы тут не снялся —
побежал.
Фронтом рыба наступает.
Сверху птицы...
Рыжик к новым переходит рубежам.
Ключевые выбирает он высоты.
Рубка — лучшая, конечно, из высот.
Он из рубки, лапы свесив,
за работой
Наблюденье непрерывное ведёт.
За матросами следит он между прочим,
И без них его задача не проста:
Мастер сети,
мастер рыбы,
мастер бочек...
Хорошо, что командиры на местах.
Но, лебёдку замолчавшую заметив,
От обиды
чуть язык не прикусил:
На кого же засмотрелся мастер сети,
Почему задержку с сетью допустил?
Разобрался:
сети двигаться могли бы.
Ведь лебёдке лошадиных сил не жаль.

---

[1] Рыболовная снасть, состоящая из ряда отдельных сеток, соединённых между собою.

Только главный потрошильщик —
мастер рыбы —
Просит реки сельдяные придержать.
Ослепительно ножи под солнцем светят.
Над разделочным столом железный гул.
Рыбы к бочкам.
Потроха летят на ветер.
Рыжик голову за ними повернул.
Потроха летят к воде, не долетают,
Замирают, потеряв над морем вес,
Разбирают их мгновенно птичьи стаи.
Рыжик морщится от этаких чудес.
И опять его зовёт к себе конвейер.
Едут сельди, запорошены снежком.
И над палубою снег солёный веет.
С этим снегом Рыжик с юности знаком.
Он глаза мохнатой лапой прикрывает,
Но закрыть их окончательно нельзя,
Ведь друзья под этим снегом изнывают.
Ну зачем же он такой солёный взят!
Он до слёз рыбацким делом озабочен.
Саднит веки, и пожар уже во рту:
Закрывай плотнее бочки,
мастер бочек.
Пусть другие открывают их в порту.
Не подумайте,
что с паникою дружен,
К этой дружбе не способен храбрый пёс.
Про обед он забывает и про ужин,
Даже если камбуз запахи принёс.
Потруднее испытания изведал.

Не к лицу устать от будничных забот.
Он на вахте добровольной до победы,
А победа лишь под звёздами придёт.
Вот он палубу оглядывает строго.
Чистота —
хоть принимай на ней парад.
Снова ночь.
И снова звёздная дорога.
Нет, не снова,
много ярче, чем вчера.

СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНЬЯ, РЫЖИК!

Недаром на свете пословица есть,
Теперь я её не забуду:
Чтоб друга узнать,
надо соли с ним съесть,
Представьте,
не менее пуда.
Конечно, для тех, кто на суше живёт,
Проверка, увы, не из скорых.
Считай не считай, а ухлопаешь год
На эту солёную гору.
А море не медлит с проверкой такой
И не экономит на соли.
Поваренной солью
и солью морской
Пропитан рыбак поневоле.
Пропитан солёным дождём
от сетей,
Солёным раствором —
от бочек.
Засоленной рыбы
рыбак солоней,
Когда над селёдкой хлопочет.
И всё-таки Рыжику много трудней.
Собачьей привычки нарушить
Не мог он никак.
И при мудрости всей
Не мыл свою шкуру под душем.
И если пословицу вспомнить сейчас,
Прикинуть количество соли,

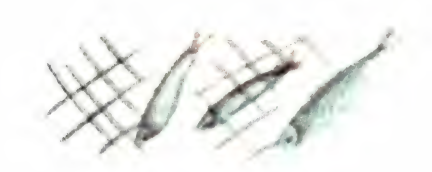
То Рыжик проверил команду
не раз
И ею остался доволен.
Понятно,
кого-то он больше любил,
А с кем-то —
всего лишь приветлив.
Но кто же хозяином — спросите — был?
Ну как вам ответить на это...
Родные нельзя покидать берега
Без веры железной друг в друга.
А там, где хозяин,
там есть и слуга.
Кто скажет такое про друга?
Про друга,
который любого из нас
Во тьме распознает по храпу,
Поднимет на вахту в назначенный час
Решительно-нежною лапой.
Который совсем не охотник до рыб,
Но, труд рыбаков уважая,
В сетях никогда не пропустит дыры.
«Латайте!» — потребует лаем.
А если тоскуем мы без телеграмм,
Наш Рыжик,
под вопли радиста,
Хватает бумажки и тащит их к нам
С улыбкой, от счастья лучистой...
Он не был слугой.
Он хозяином был.
И, верен железному дому,

Уж если служил он,
так делу служил,
Нелёгкому делу морскому.
Без Рыжика рейс не представить никак.
Пусть шутит над Рыжиком боцман:
— Он самый солёный моряцкий рыбак. —
Над шуткой никто не смеётся...
Будь трижды доволен
рыбацкой судьбой,
И всё-таки как ты зависим
От тех,
кто идёт от причала с тобой,
От редких и медленных писем.
По берегу в море нахлынет тоска,
По морю тоскуешь на суше.
А Рыжик однажды свой дом отыскал
И к прочим домам равнодушен.
...Я вновь сухопутный.
Меня увели
Иные дела и тревоги.
И что тут поделать —
нельзя мне с земли
Увидеть морские дороги.
Но если гудок долетит до окна,
Внимание сразу на страже.
Нет, хриплый... и в голосе строгость одна...
Не стоит и сравнивать с нашим.
И снова спокойно мотор застучит,
Из памяти мне просигналит.
Огни бортовые протянут лучи.
И к небу морскому причалят.

Пускай расстоянья в морях велики —
Я сердцем огни эти вижу.
Удачного плаванья вам,
рыбаки!
Счастливого плаванья,
Рыжик!

СОДЕРЖАНИЕ

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Гоппе Герман Борисович
ВОРОБЕЙ, ПИНГВИН И РЫЖИК

Ответственный редактор О. В. Москалёва.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Л. Б. Куприянова.
Корректоры Н. Н. Жукова и Е. С. Петрова.

ИБ 7399

Сдано в набор 17.04.84. Подписано к печати 12.07.84. Формат $70 \times 100^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Усл. кр.-отт. 44,37. Уч.-изд. л. 7,03. Тираж 150 000 экз. Заказ 666. Цена 70 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

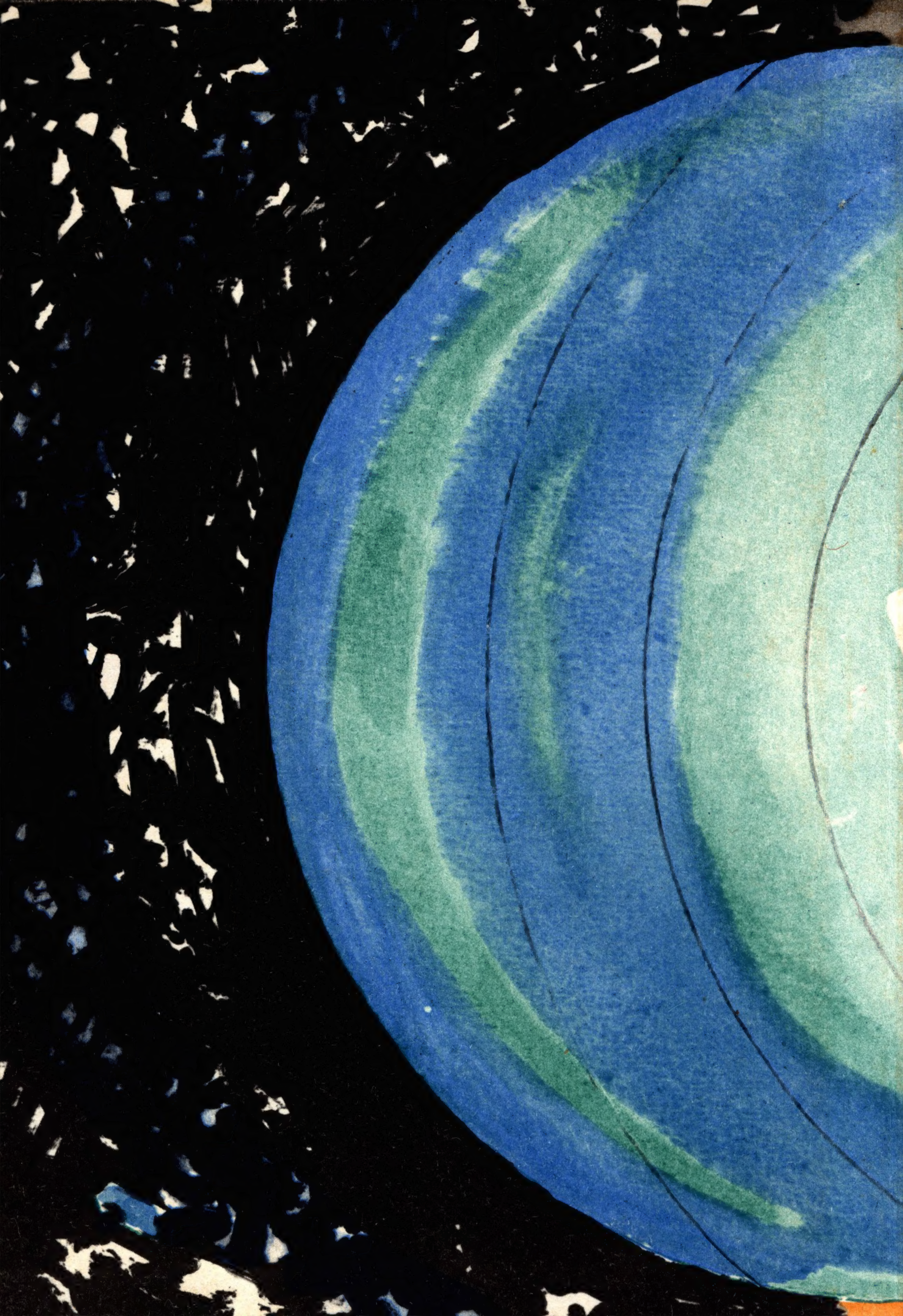
Гоппе Г. Б.

Г66 Воробей, пингвин и Рыжик: Сказки и поэма/ Предисл. В. Суслова; Рис. В. Гусева. — Л.: Дет. лит., 1984. — 127 с., ил.

В пер.: 70 коп.

Герои трёх сказочных историй — животные. Действие первой происходит в блокадном Ленинграде; второй — в Антарктиде; третьей — на рыболовецком траулере, но все они — о настоящей, верной дружбе.

Г $\frac{4803010102-173}{М101(03)-84}$ 265—84 **мл.**

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»